

Посвящается Чарли и Наоми Керр

ГЛАВА 1

Мафусаил

Уезжая из Нью-Йорка в Ирак, чтобы стать следующей Синей джинн Вавилона, самой могущественной джинн в целом мире, Лейла Гонт наложила на своего мужа Эдварда заклятие Мафусаила. Мафусаил, как известно, — древнейший из персонажей Библии, в Ветхом Завете написано, что он прожил почти тысячу лет. Как вы догадываетесь, заклятие Мафусаила заставляет человека быстро, почти мгновенно постареть.

Миссис Гонт, конечно, не обрекла бы своего мужа на столь ужасную участь без серьёзных причин. Она всё это придумала, чтобы Джон и Филиппа остались с отцом и ни в коем случае не последовали за ней в Вавилон. Заклятие должно было начать действовать только в отсутствие близнецов. Если бы дети были дома, мистер Гонт вообще бы ничуть не постарел. Беда в том, что, когда миссис Гонт накладывала на него заклятие Мафусаила, близнецов рядом уже не было, они в это время беспрепятственно путешествовали по Непалу и Индии, оставив дома свои точные копии, созданные ангелом по имени

Африэль. В результате, когда дети наконец возвратились в Нью-Йорк, на 77-ю улицу, их бедный папа был дряхлым стариком.

Даже страшно представить, как выглядел мистер Гонт. Таких старых-престарых стариков на земле редко увидишь, разве что в гробу. В отличие от жены и детей, которые были джинн и старели совсем иначе, Эдвард Гонт был мундусянином, то есть простым смертным человеком. Вернувшись в Нью-Йорк, дети обнаружили отца в инвалидном кресле, потому что ноги его превратились в палочки и совсем разучились стоять и ходить. Он сидел, завернувшись в клетчатый плед, и в этом человеке было совершенно невозможно узнать прежнего мистера Гонта. Если честно, он вообще мало походил на человека — скорее на какой-то скелет из фильма ужасов.

Джон мало знал о стариках и считал, что папа выглядит лет на восемьдесят. На самом же деле он так состарился, что выглядел на все двести пятьдесят. Пожалуй, мистер Гонт уступал по дряхлости лишь тому самому ветхозаветному патриарху Мафусаилу.

Могучий джинн Нимрод, дядя Джона и Филиппы, уверял близнецов, что заклятие его сестры, Лейлы Гонт, перестанет действовать, если дети останутся с отцом.

— Через некоторое время начнётся обратный процесс, и ваш отец снова помолодеет. Главное, чтобы вы не уезжали из Нью-Йорка. Я, конечно, побуду с вами. Домой в Лондон я всегда успею.

Мистер Ракшас, тоже джинн, причём весьма преклонного возраста (то есть лет, по крайней мере, ста пятидесяти, ибо джинн живут намного дольше, чем люди), переговоривался с близнецами, сидя внутри старинной медной лампы — своего постоянного жилища. Господин Ракшас был согласен с Нимродом: заклятие обратимо.

Он посоветовал детям проконсультироваться с Дженни Сахерторт, джинн-доктором.

— Она наверняка подскажет, — говорил он с лёгким ирландским акцентом, — как облегчить жизнь бедному мистеру Гонту, чтобы пренеприятные издержки старости доставляли ему поменьше беспокойства. Кстати, само общение с молодой женщиной — лучший рецепт от старости.

Но Дженни Сахерторт приехать в Нью-Йорк не могла, с ней удалось поговорить только по телефону. Она предложила Нимроду воспользоваться услугами джинн-медсестры по имени Марион Моррисон.

— Она отшельница, — пояснила миссис Сахерторт. — Ну, сами знаете, одна из джинн, посвящающих жизнь мундусянам, наиболее достойным представителям человечества. Марион специализируется на помощи тем, кто подвергся злонамеренным джинн-заклятиям или сам навлек на себя беду, неудачно сформулировав свои желания. Я немедленно отправлю ей сообщение, но появится она у вас не сразу. Если не ошибаюсь, она сейчас в джунглях Амазонки — работает там с несчастными индейцами, проклятыми обезьяньей лапой.

— Дженни, дело-то не терпит! — настаивал Нимрод.

— Знаю, — сказала миссис Сахерторт. — Но сама я сейчас отлучиться не могу. Я должна быть с Дыббаксом. Я нужна ему, Нимрод. Особенно теперь, когда он узнал, кто его настоящий отец.

Дыббаксом звали её непоседливого сына, друга Джона и Филиппы. Дженни Сахерторт была из клана добрых джинн. И Дыббакс тоже. По крайней мере, до сих пор он был вполне хорошим... Ну разве что немного вредным. Но недавно обнаружилось, что его настоящий отец — Иблис, самый коварный джинн в мире, предводитель самого злого из шести джинн-кланов, клана

Ифрит. И сейчас среди джинов, стоящих на страже добра, возникло вполне оправданное опасение, что Дыббакс может легко сбиться с пути и встать на сторону зла.

— Понимаю, дорогая, — сказал Нимрод. — Не тратьте слов, меня не надо ни в чём убеждать. Дыббакс, безусловно, должен занимать ваше время и мысли в первую очередь. Что ж, подожду Марион Моррисон здесь, в Нью-Йорке.

Пока джинн-медсестра не прибыла, семейство было вынуждено поручить мистера Гонта заботам их верной домработницы миссис Трамп. Полагая, что уход за мистером Гонтом потребует немало времени, Нимрод решил вызвать на подмогу из Лондона и своего дворецкого Джалобина.

— Бедняга Джалобин, — сказала Филиппа. — Он ведь терпеть не может Нью-Йорк.

— Это верно, — отозвался Нимрод. — В этом городе ему всё отвратительно. Но тут уж ничего не поделаешь. Ваша миссис Трамп в одиночку не справится.

* * *

В юности миссис Трамп получила на каком-то конкурсе титул королевы красоты. От красоты мало что осталось, зато домработница Гонтов была добрейшим и к тому же сказочно богатым человеком. Год назад она выиграла кучу денег по лотерейному билету. Она страстно мечтала о выигрыше, и Филиппа, сама не понимая, что делает, исполнила желание миссис Трамп, причём та до сих пор не догадывалась, кто ниспослал ей это несметное богатство. Преданная Гонтам до мозга костей, миссис Трамп продолжала служить у них домработницей — несмотря на все свои миллионы. Она была особенно привязана к близнецам, да и к миссис Гонт — шикарней, великолепней женщине. Но капризы постаревшего мистера Гонта доводили её до белого каления, о чём она не преминула сообщить детям и Нимроду:

— Сил прямо никаких нет! Он меня то и дело зовёт, я топаю вверх, но, пока дойду до его комнаты, он уже забывает, зачем звал. Через две минуты вспоминает, снова звонит, и так без конца. Короче, сил моих больше нет!

— Бедная миссис Трамп, — вздохнул Джон.

Они с сестрой пробовали помогать миссис Трамп ухаживать за отцом, который становился всё более вздорным, но старик требовал только миссис Трамп. Дело в том, что он принимал её за свою жену, Лейлу Гонт. Кое-какое сходство между этими двумя женщинами и вправду было. Особенно это проявлялось в последнее время, поскольку после выигрыша в лотерею внешность миссис Трамп сильно изменилась к лучшему. Она сходила к дантисту, и ей вставили недостающий зуб. Одежду она теперь тоже носила недешёвую. В целом она стала вполне привлекательной женщиной. Но до блеска и очарования Лейлы Гонт её домработнице было, разумеется, далеко.

Однако мистер Гонт, практически утративший зрение и слух, разницы не замечал. И всё потому, что домработница пользовалась теми же духами, что и его жена. А с обонянием у старика всё было в полном порядке. Поэтому он называл миссис Трамп «любимая», «радость моя» и «детка» и настаивал, чтобы она сидела рядом и держала его за руку.

Миссис Трамп всё это ужасно смущало. Но она кое-как мирилась со странным состоянием и поведением мистера Гонта, поскольку верила брату хозяйки, мистеру Нимроду. Раз уж он сказал, что хозяин страдает редкой, но обратимой генетической болезнью, значит так оно и есть. Главное, что к ним скоро прибудет сестра-сиделка и миссис Трамп больше не придётся ухаживать за стариком. Вообще она проработала в доме 7 на 77-й улице много лет и к странностям привыкла. Если честно, у Гонтов вечно случались

всякие удивительные вещи, и она давно перестала обращать на них внимание.

Однако день шёл за днём... И однажды вечером миссис Трамп сказала:

— Что-то она долго едет, эта ваша сиделка. Ещё один такой денёк, как сегодня, — и сиделка понадобится мне самой.

Её слова, как ни странно, оказались пророческими.

На следующее утро мистер Гонт случайно задел жемчужные бусы, которые миссис Трамп обожала, никогда не снимала и носила всегда, даже под фартуком и халатом, — когда готовила, пылесосила или вытирала пыль. Миссис Трамп исползала на коленках всю спальню и нашла почти все жемчужины. Но три шарика закатились под дверь да так и остались лежать на площадке у лестницы. Не прошло и нескольких минут, как миссис Трамп на них наступила, поскользнулась и пролетела вниз целый лестничный марш. Грохот был такой, словно рухнул дом.

Джон и Филиппа выскочили из комнат как ошпаренные и обнаружили миссис Трамп без сознания на полу. Нимрод вызвал скорую помощь, и прибывшие санитары увезли бедняжку в больницу Килдэра на соседнюю 78-ю улицу, где ей без промедления сделали операцию. Но и после операции она всё никак не приходила в себя.

Когда хирург, доктор Сол Хадсон, вышел к Нимроду и близнецам, лицо его было мрачнее тучи. С таким лицом впору ходить по кладбищу, а не общаться с родственниками больных. Ничего доброго это не предвещало.

— Мы сделали всё, что могли. Боюсь, остальное не в наших силах, — сказал он. — Время покажет, станет ли её организм бороться за жизнь. Пока она не реагирует ни на какие внешние раздражители. Чем дольше

она пробудет без сознания, тем больше оснований для беспокойства. Очень сожалею, но ничего более утешительного сообщить пока не могу.

— А можно её увидеть, доктор Хадсон? — спросил Джон.

— Конечно.

Хирург провёл их к кровати миссис Трамп. Голова её была в бинтах, лицо — землисто-пепельного цвета. Она лежала в отдельной палате, причём вид из окна открывался прямо на садик во дворе дома Гонтов. Ни близнецы, ни Нимрод не могли произнести ни слова.

— Всё-таки хорошо, что отсюда виден наш дом, — наконец произнесла Филиппа. — Миссис Трамп была бы рада.

— Да, наверняка, — кивнул Нимрод.

— А мы ничем не можем ей помочь? — спросил его Джон. — Джинн-сила не работает?

— Боюсь, что нет, — сказал Нимрод. — Да я и не знаю, как тут подступиться. Работа мозга очень сложна, и джинн никогда не следует в неё вмешиваться. Иначе получают чудища. Этакие Франкенштейны.

— Жаль, что здесь нет мамы... — вздохнула Филиппа и тут же виновато улыбнулась Нимроду. — Нет, не думай, ты отлично со всем справляешься. Не сомневайся. Просто я очень скучаю по маме. Будь она рядом, нам всем было бы легче.

— Запали мою лампу! Ещё бы! — воскликнул Нимрод. — Моя сестра, то есть ваша мама, — совершенно уникальная женщина.

Близнецы не отходили от постели миссис Трамп, держали её за руки, пытались с ней разговаривать. Но она не приходила в сознание. Нимрод тоже остался с племянниками в больничной палате. Он всячески их ободрял, высказывал обнадеживающие прогнозы, обещал им скорое и полное выздоровление миссис Трамп. Но и он,

и дети в глубине души понимали, что для оптимизма никаких оснований нет. Наконец Джон встал и подошёл к окну. За небольшим больничным садиком и их собственным задним двором в их доме, а ещё точнее — в отцовской спальне мелькнула тень. А пару секунд спустя в окне этажом ниже появился мужской силуэт.

— Странно, — пробормотал Джон.

Нимрод вмиг оказался у окна.

— Ты что-то увидел?

— Что-то или кого-то, — ответил Джон. — Но дома никого, кроме папы, нет. Разве что Монти.

Монти была кошечкой, причём совершенно особенной, поскольку родилась она человеком — женщиной по имени Монтана Негодий. В кошку её не так давно превратила миссис Гонт.

— Но папа не встаёт. А Монти выглядит совсем иначе, — добавил Джон.

— Только бы там ничего не случилось! — встревожилась Филиппа. — Новых неприятностей я не выдержу.

— Пойдёмте-ка все домой, — сказал Нимрод. — Здесь от нас всё равно толку мало.

ГЛАВА 2

Ссора из-за уха

К счастью, дома их ждали не новые беды, а мистер Джалобин собственной персоной. Он уже вовсю орудовал на кухне: чистил столовое серебро и готовил чай. После одного давнего, но рокового случая

Джалобин много лет был однорук. Впрочем, не так давно он обзавёлся второй рукой и с тех пор повадился делать два дела одновременно: сейчас, например, он обнял разом обоих детей, прижав их к своему необъятному животу.

— Я прилетел из Лондона ещё утром, — объяснил он. — Прихожу, а входная дверь не заперта. Так что я, никого не беспокоя, попал в дом и сразу занялся делом. Сами видите.

Близнецы были в восторге. Ведь к ним приехал Джалобин! Пускай он самый ворчливый дворецкий на свете, но почему-то в его присутствии детям всегда становилось теплее и веселее.

— Рад видеть вас, ребятня! — громко сказал он со своим неистребимым манчестерским акцентом. — Слышь, чего говорю... Рад видеть вас снова. Хотя привели меня сюда не самые радостные обстоятельства. Невезучие вы какие-то, вот что я вам скажу! Одна напасть за другой. Впору лавку ужасов открывать.

Близнецы чуть не расплакались. Джалобин сыпал соль на их израненные души. И всё-таки они не обижались на дворецкого. Они знали, что, хотя он не всегда думает, прежде чем говорит, сердце у него добрейшее. А это самое главное.

— Говорят, Бог троицу любит, — сказал он. — Надеюсь, что это верно, поскольку три беды с вами уже стряслись, и, стало быть, больше не предвидится. Слышите, я надеюсь, что это — конец ваших бед. И что эти беды не заразны. Потому что мне и своих неприятностей хватает.

— Джалобин, пора заткнуться, — заметил Нимрод.

Филиппа невесело улыбнулась и обняла Джалобина покрепче, надеясь остановить этот безудержный словесный поток.

— Спасибо, что приехали, мистер Джалобин, — сказала она.

— Не за что, мисс Филиппа, — ответил он. — Мне всё равно было особенно нечего делать. Да и парни из «Сити» играют в этом сезоне из рук вон плохо.

Джалобин болел исключительно за «Манчестер-Сити» — футбольную команду из его родного города.

— Узнаю старину Джалобина, — усмехнулся Джон.

Несколько минут спустя кто-то позвонил в дверь. Джалобин, как и подобает настоящему дворецкому, тут же снял фартук, надел свой форменный китель и плавным торжественным шагом отправился открывать.

— Вас желает видеть дама, — объявил он, вплывая обратно. — Американка, несколько необычного вида. Она утверждает, что её здесь ждут. Её зовут мисс Марион Моррисон.

— Проводите даму в библиотеку, — велел Нимрод.

* * *

Марион Моррисон и вправду выглядела странновато. Высокотолстая старуха с хриплым голосом и серыми глазками-бусинками, которыми она умела смотреть одновременно в разные стороны. Её короткие, седые с рыжинкой волосы походили на заржавевшую проводочную мочалку. Дама была в красной рубашке, коричневых штанах и кожаном жилете; довершали картину ковбойские сапоги. В одной руке она держала огромный бутерброд с фасолью, а в другой — кружку горячего чёрного кофе, и оттуда поднимался парок.

— Всем привет! Вы, наверное, Нимрод, — деловито сказала она, глядя одним глазом на близнецов. — А вы, должно быть, Джон и Филиппа Гонт, — бросила она близнецам, кося другим глазом на Нимрода. — Я о вас

много слышала, ребята. Причём хорошего. — Шумно отхлебнув кофе, она добавила: — Устроила себе ужин на скорую руку. Надеюсь, не возражаете. А то я весь день верхом на смерче путешествовала и что-то подустала.

— Как прошёл полёт? — вежливо поинтересовалась Филиппа.

— Я же здесь, значит всё в порядке, верно? — Марион Моррисон усмехнулась и откусила сразу полбутерброда. — Главное — приземлиться куда надо.

К ужасу чистюли Джалобина, несколько фасолин из её бутерброда упали на дорогой ковёр, устилавший пол библиотеки. Ковбойские сапоги этой дамы выглядели так, словно она проделала весь путь не на вихре, а пешком или, в крайнем случае, верхом. К тому же возле двери лежала походная скатка и несколько вьюков — словно она только что соскочила с коня и сняла их с седла.

— Дженни Сахерторт говорила, что вы джинн-медсестра, — сказал Нимрод.

— Да, пожалуй, для джинн я просто медсестра или сиделка, — ответила странная особа. — Но для людей я — нечто большее. Я доктор, врачеватель, целительница. Как только не называют меня мундусяне... — Она шумно допила кофе и выплеснула гущу в камин. — Итак, где мой пациент? Если у него синдром Мафусаила, на счету каждая минута. Так что не будем терять времени.

Нимрод и близнецы повели экстравагантную сиделку наверх, в спальню мистера Гонта. По дороге она доела свой огромный бутерброд и, входя в комнату, подняла руки, как хирург перед операцией. Они затрещали, заискрились и на мгновение вспыхнули тонким синим пламенем. Марион потратила немного джинн-силы и разом уничтожила всю грязь и бактерии, скопившиеся на руках. Пламя даже опалило манжеты её красной рубашки.

Джон был поражён — ведь он никогда прежде не присутствовал при подобном джинн-очищении.

— В чём дело, сынок? — спросила Марион. — Разве ты не видел, как джинн моют руки?

— Э-э... видел... но не с помощью джинн-силы, — ответил Джон.

— Ну, это куда надёжнее и быстрее, чем мылом и водой, — сказала она. — И приятнее. Терпеть не могу воду на коже. По мне, так джинн вообще не стоит приближаться к воде на пушечный выстрел. Это неестественно. — Опустив огромный зад прямо на кровать мистера Гонта, она посмотрела на старика мягко и пристально. — Ну, привет, старая калоша!

Близоруко щурясь, мистер Гонт смотрел в пространство — мимо новой сиделки.

— Кто здесь? Говорите же! Не слышу!

Сияясь слышать ответ, он приложил ладонь к невероятно волосатому, огромному, как у слона, уху.

— Он теперь неважно слышит, — поспешила объяснить Филиппа.

— Гмм... Видит ваш старикан тоже не ахти...

— Он не старикан, — твёрдо сказал Джон. — Вы уж извините, миссис Моррисон, но ему только пятьдесят лет. Для человека он, конечно, не молод. Но он не старик. Он на самом деле намного моложе, чем выглядит. И характер у него совсем не такой капризный, как кажется сейчас. Короче, он отличный отец.

Глядя одним глазом на пациента, джинн-медсестра перевела другой глаз на Джона и одобрительно улыбнулась.

— Хорошо, что ты так говоришь. Ты хороший сын. Твоему отцу повезло. Ведь любому взрослому человеку, даже вполне здоровому, нужны понимание и поддерж-

ка. Думаю, на полное восстановление уйдёт два-три месяца. Но от самых тяжёлых симптомов старости мы, конечно, избавимся намного раньше. Кстати, я никакая не миссис, и Марион меня тоже не зовите. Лучше просто М. Или Док.

— Ничего не понимаю! Говорите громче! — потребовал мистер Гонт.

— Теперь расскажите мне о заклятии, которое на него наложено, — сказала она.

Нимрод объяснил, когда и почему было наложено заклятие Мафусаила, и добавил, что присутствие близнецов могло замедлить процесс старения или вовсе не дать ему развиваться, но — увы — их рядом не оказалось. Выслушав Нимрода, Док приложила один палец к уху мистера Гонта, а другой — к его ноздре, чтобы измерить температуру. Взгляд её тем временем остановился на кадке с карликовым деревцем бонсай — она стояла на комодe в дальнем конце спальни. Это был японский клен высотой сантиметров семьдесят.

— У вас там настоящий бонсай, с Дальнего Востока? Или барахло из каталога «Товары — почтой»?

— Бонсай самый настоящий, — ответила Филиппа. — Папа подарил его маме на день рождения. Он купил его в Гонконге.

Марион встала и подошла поближе к деревцу.

— Его не пересаживали? Земля точно из Китая?

— Думаю, да, — сказала Филиппа. — Вы любите бонсайчики?

— Нет, — отрезала сиделка. — Терпеть не могу.

Марион взяла щепотку земли из горшка, понюхала её, взяла в рот, пожевала, выплюнула и удовлетворённо кивнула. Затем решительным движением выдрала бонсай из горшка и отшвырнула в угол спальни.

— Эй, зачем? — возмутилась Филиппа. — Это деревце стоит двадцать тысяч долларов.

— Всё-таки умственные способности моих пациентов не сильно зависят от размера кошельков, — констатировала сиделка. — Ладно, сейчас всё поймёшь.

Щедро смочив собственной слюной горстку земли из горшка, она размяла её в руках и подогрела с помощью джинн-силы. Получилось что-то вроде глины, которой она принялась смазывать полуприкрытые веки мистера Гонта.

— Это улучшит его зрение, — сказала она. — Он сможет читать газеты и смотреть телевизор.

Оставшуюся на ладони глину Док нагрела ещё больше — так, что она раскалилась и высохла, превратившись в порошок. Сиделка вдула его мистериу Гонту в оба волосатых уха и в нос.

— Это восстановит его слух, и он сможет слушать радио.

— Как действует ваш порошок? — спросила Филиппа.

— Всё дело в джинн-слюне, — сказала Марион. — Она умеет заживлять ткани и восстанавливать функции организма. По крайней мере, человеческого. А если смешать её с китайской землёй, она становится сверхмощным материалом, который обладает великим множеством сверхъестественных свойств. — Марион усмехнулась. — Нам просто повезло, что у вас дома оказался бонсай. Мои-то запасы китайской земли совсем иссякли. — Она взяла горшок и, достав из кармана полиэтиленовый пакет, высыпала в него остатки земли. — Если вы не против, я положу это в седельный мешок и заберу с собой. Вместо оплаты моих услуг.

— Надо же! — удивлённо сказал Нимрод. — Я и не знал, что получится, если смешать джинн-слюну с землёй.